

Заграничные прения о положении русского духовенства

(Русское духовенство. Берлин, 1859)

Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах

М., "Художественная литература", 1987

Том третий. Статьи и рецензии 1860-1861. Из "Свистка". Из лирики

Примечания Е. Буртиной

OCR Бычков М. Н.

Книжка эта составлена из нескольких статей разных авторов¹ и издана по поводу вышедшей в прошлом году за границей книги "Описание сельского духовенства в России". Вот уже в другой раз приходится нам говорить об опровержениях на эту книгу, а самой книги мы еще не видали. В прошлом году мы уже заметили странность такого явления, разбирая "Мысли светского человека об "Описании сельского духовенства""². Не можем не повторить и теперь выражения нашего удивления, тем более что в книге, лежащей теперь перед нами, мы находим много упреков автору "Описания сельского духовенства" именно за то, что он издал книгу свою за границей, а не на родине. Эти упреки прежде всего поразили нас своей странностью, и мы считаем нелишним привести их и сделать по поводу их несколько замечаний.

В книжке семь статей. Автор первой из них -- "Разоблачение клеветы на русское духовенство" -- говорит в заключение своего разбора: "Грустно, что *перед Европою* выставлено в такой мрачной картине наше духовенство, и кем же? служителем самой церкви... Если он был проникнут действительно сознанием недостатков и скорбей своего звания, зачем, подражая Хаму, открывать наготу отца *перед чужими людьми*? Вероятно, автор боялся, что духовные слишком скоро узнают все его преувеличения, все его прикрасы, все обобщения и представления частных случаев в виде общего характера всего сословия" (стр. 50). Ясно, что автор приписывает появление книги за границу тому обстоятельству, что автор ее боялся скорых обличений, если бы издал ее в России.

Другой автор в статье "Суждение о книге "Описание сельского духовенства"" говорит в этом же роде: "Хорош ли был бы сын, который бы, заметив в родителях недостатки, стал про них кричать вслух целого света? Нет, любовь к ним, чистая, искренняя любовь, никогда бы на то не решилась; нет, она скорее заставила бы сына обратиться к самим родителям или, еще лучше, к тем доверенным лицам, которые бы могли на них иметь большое влияние, обратиться с просьбою, чтобы они своим авторитетом озаботились исправить недостатки родителей, столь тяжкие для любящего сына... Как назвать человека, который в училище, как в лоне родительском, получил воспитание и чрез то средства к жизни,-- и потом *удалился на страну далеку и там решился вслух всего света так бесстыдно позорить место своего образования?*" (стр. 133). Далее, говоря о том, что автор "Описания" изобразил только мрачную сторону духовенства, автор статьи восклицает: "*И где же все это? Не в родной нашей земле, где бы не могли ему поверить, а далеко, далеко от нас, за границею*", и т. д. (стр. 134).

Жалобы эти могут показаться очень основательными тем, кто незнаком со всеми условиями, от которых зависит в России выход книг, трактующих о духовных предметах. Но стоит раскрыть нам Цензурный устав, и дело объяснится. Там мы увидим, что один из основных пунктов устава есть то, что не должно пропускать в печать ничего противного православной церкви. Но этим дело не ограничивается. Всякая книга и статья, трактующая о предметах духовных, не доверяется разрешению одного общего, гражданского цензора, а отсылается в духовную цензуру. Подробностей устава духовной цензуры мы не знаем; но на основании многих фактов, которых нам привелось быть свидетелями, полагаем, что он очень строг или очень неопределен. Так, например, мы постоянно видим, что отзывы о *лицах* духовного звания смешиваются с мнениями о самой церкви и на этом основании, как противные православию, не пропускаются в печать, за весьма редкими исключениями. Такое смешение понятий нашли мы отчасти и в книжке "Русское духовенство". Автор одной из статей ее нападает, например, на г. Погодина за то что он высказал такую мысль: "Как чиновники в частной жизни еще не составляют юстиции, так точно и духовные вне священнослужения еще не составляют церкви"³. Мысль г. Погодина ясна: он именно хочет отделить частную личность священника от общего понятия о церкви, ее учении, таинствах и пр. Но автор статейки очень резко замечает: "Удивительно, как академик и профессор мог высказать такую дикую мысль", и замечание это сопровождает тремя восклицательными знаками!!! (стр. 58). Очевидно, что автор сам не имеет должного понятия о различии между частными личностями и между тем служением, которое на них возложено. Можно сказать без преувеличения, что такое смешение этих двух понятий, совершенно